

богословия. Если А. Гарнак в свое время считал, что основы иконоборчества в Византии нужно все же искать в политических стремлениях исаврийских императоров, то в 30-х годах эта точка зрения была объявлена «старой теорией». «Новая теория», согласно В. Эллигеру, состояла в том, что иконоборчество являлось результатом чисто-богословских, догматических споров в недрах православной церкви⁶⁷.

Э. Ладнер особо подчеркивал губительную роль иконоборческого движения в развитии византийского искусства⁶⁸. По его мнению, именно в это время, в период ожесточенной борьбы за принципы изображения идеального мира, установилось то расхождение между взглядами западной и восточной церквей, которое привело в Византии к слепому подражанию, канонизированному «подлиннику», а следовательно, к «механизации» искусства. Мистический контакт молящегося с «прототипом» проявлялся в «проинизывающем» взгляде иконного изображения, обращенного к молящемуся. Идеалистическая историография искусства целиком выводит эту особенность византийской иконописи из тех гносеологических богословских споров, которые вели сначала иконоборцы с иконопочитателями, а затем западная и восточная церкви.

Крайне идеалистическое объяснение иконоборчества нашло своих приверженцев и в Англии. Например, у К. Даусона в трактовке иконоборчества (1932 г.) чувствуется влияние Острогорского. Даусон объясняет и оценивает иконоборчество следующим образом. После потери Египта и Сирии империя стала чисто азиатским государством (стр. 170); иконоборческая ересь означала торжество Востока над эллинизмом (стр. 171), а окончательная победа иконопочитания — победа эллинского духа над Востоком (стр. 174). Последняя победа дала Византии возможность сделаться чисто европейской державой и оказать влияние на славянство.

Эти рассуждения в корне ошибочны и лишены основания. Почему с потерей азиатских владений Византия стала азиатской державой? Почему иконоборчество является азиатским принципом? Полностью противоречит фактам представление, будто именно Македонская династия сделала Византию европейской державой: известно ведь, что императоры этой династии именно в Азии расширили свои владения.

Крайне идеалистическое, философско-догматическое объяснение иконоборчества не могло удовлетворить большинство историков. Несмотря на шумный успех выступлений Острогорского и его последователей, в общих трудах по всемирной истории преобладала более широкая концепция иконоборчества. «Старые кадры» византиноведения и в 30-е годы по-прежнему трактовали иконоборчество, как попытку грандиозных реформ.

Шарль Диль объяснял иконоборчество прежде всего борьбой за верховенство светской власти над духовной⁶⁹. В своем обширном обзоре истории Византии с IV до XI в. французский ученый, широко используя, в частности, труды русских византистов (Васильевского, Успенского и др.), считал теории Острогорского неубедительными. Диль полагал, что дело императоров-иконоборцев оказалось не напрасным, так как доктрина студитов, крайних и последовательных проводников идей иконопочитания, в конце концов потерпела поражение.

⁶⁷ W. E l l i g e r. Zur bilderfeindlichen Bewegung des VIII Jh., in: «Joh. Ficker Festschrift». Leipzig, 1931; ср. G. H ä n d l e r.— Epochen Karolingischer Theologie. Evangelische Verlag. Berlin, 1958, S. 13 ff.

⁶⁸ E. L a d n e r. Der Bilderstreit und die Kunstlehren der byzantinischen und abendländischen Theologen, 1931; i d e m. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. «Medieval Studies», II, 1940, p. 127—149.

⁶⁹ Histoire générale, par G. Glotz, t. III, 1936, p. p. 249—315.